Воробьев С.В.
(Екатеринбург)

Общая культура и образовательные установки уральских коммунистов начала 1920-х гг. (по материалам партийной переписи 1922 г.)

Партийная перепись 1922 г. позволяет получить определенное представление о культурных аспектах личности уральских коммунистов (1). Некоторые выводы в отношении общей культуры коммунистов позволяет сделать анализ такого признака, как «регулярность чтения газет». Так как газета в то время, когда еще не было иных средств массовой информации (радио, телевидение), являлась ключевым оперативным источником информации для населения о политических, экономических, социальных, культурных событиях в стране и на местах, то степень интереса, проявляемая коммунистами к периодической печати, может косвенно свидетельствовать об их заинтересованности, осведомленности, желании разбираться в этих событиях, стремлении выработать свое мнение по различным актуальным вопросам текущей социально-политической жизни. Из полученных данных видно, что грамотные партийцы, а таковыми являлись более 90% членов партийной организации губернии, не очень активно интересовались прессой. Более половины из них читали газеты только от случая к случаю (56%). Лишь 1/3 членов партии стремилась следить за теми событиями, которые освещались в прессе. При этом нужно отметить, что периодическая печать несет текущую, наиболее интересную для массового читателя и легко усваиваемую им информацию. Коммунистов, читающих прессу регулярно, больше всего оказалось среди руководителей: 31% от регулярно читающих прессу составляли руководители губернского и уездного уровней, 22% – руководители низшего звена. Однако не стоит преувеличивать данный факт. Как отмечает сибирский исследователь Г.Л. Олех, в представлении членов партии, особенно сельских, «регулярное чтение» означало беглый просмотр прессы один раз в одну-две недели (2).

В связи с тем, что руководители низового уровня являлись в

основном выходцами из крестьянской среды, встает вопрос об уровне понимания и восприятия ими газетного текста. Интересное исследование на эту тему еще в 1923 г. провел Я. Шафир. В круг его обследования попали в основном члены деревенских ячеек РКП(б) и работники советского аппарата, то есть круг лиц, представлявший на селе партийную и советскую власть. Оказалось, что они в большинстве своем слабо понимали печатный текст, не знали значения многих слов, таких, например, как «период», «объект обложения», «СССР», «игнорировать», «меморандум», «ультиматум», «оккупация» (3). В результате коммунисты часто не понимали смысла прочитанного или понимали его неверно.

Совсем не читавших газеты членов партии мы обнаруживаем, главным образом, среди рабочих и крестьян, что неудивительно. Здесь коммунисты являлись типичными представителями своей социальной среды. Исследователь культуры крестьян 1920-х гг. В.А. Козлов писал по этому поводу: «Подавляющее большинство грамотных сельских жителей практически не брали в руки книги после того, как обучились грамоте... Человек, имевший навыки и привычку активного чтения, был весьма редким персонажем деревенской жизни» (4). Этот вывод во многом относится и к рабочим, особенно уральским, проживавшим в своем большинстве в заводских поселках в сельской местности.

В переписном бланке отсутствует вопрос относительно чтения членами партии книг. Однако, учитывая уровень интереса к газетным материалам, можно с большой долей уверенности предположить, что ситуация с чтением коммунистами художественной и специальной литературы была примерно такой же, если не хуже. Подобное отношение к чтению связано с тем, что абсолютное большинство членов партии имело образование не выше начального. Подобное образование дает грамотность, но не делает человека истинно культурным. В результате у него не вырабатывается потребность в постоянном овладении духовными ценностями, сознательном развитии себя как личности. С другой стороны, имевшаяся в тот период литература – это оставшиеся от прошлого режима произведения «буржуазных» авторов. Большинство сюжетов, идей и духовных ценностей, которые они провозглашали в своих произведениях, во многом были чужды революционному поколению, и не были востребованы им. Хотя существовал ряд писателей из числа русских классиков, близких и понятных массовому читателю из

крестьянской и рабочей среды. Это Толстой, Пушкин, Гоголь (5). Произведений своих революционных авторов пока было немного, да и их художественный уровень оставлял желать лучшего. Таким образом, можно говорить о том, что у большей части коммунистов отсутствовала потребность в регулярном чтении газет и книг.

Показателем общей культуры человека является его способность говорить на иностранных языках. Только незначительная часть коммунистов Екатеринбургской губернии знала другие языки – 13,1%. Это были, главным образом, языки народов, живших в пределах бывшей Российской империи: русский, польский, украинский, латышский. На них говорили 11,9% от общего числа коммунистов. Членов партии, которые указывали на владение иностранными языками (в первую очередь, европейскими), были единицы. Учитывая их весьма невысокий в подавляющем большинстве уровень образования, можно предположить, что знали они язык не в совершенстве, а на каком-то начальном, достаточно элементарном уровне.

Образовательные установки членов РКП(б) проявляются в первую очередь в их готовности пополнить свой образовательный багаж, увеличить интеллектуальный потенциал. На вопрос анкеты «имеете ли желание учиться» 10,4% губернских коммунистов не дали никакого ответа. Скорее всего, это можно расценивать как отрицательный ответ. Из ответивших на вопрос не желали повышать свой образовательный уровень 40% опрошенных коммунистов. Положительно ответили на этот вопрос 60% членов партии Екатеринбургской губернии, что является высоким показателем. Как отмечает А.К. Соколов, «революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе», которое поощрялось новым политическим режимом (6). В вузах открывались рабфаки, на которые охотно шли молодые рабочие. Партийные органы создавали советско-партийные школы, которые давали общее и политическое образование. Прежде чем приступить к подробному анализу данной проблемы, укажем те факторы, которые влияли на желание коммунистов продолжить образование (табл. 1)

Таблица 1

Факторы, влиявшие на желание коммунистов Екатеринбургской губернии продолжить образование, коэффициент корреляции

Факторы	Коэффициент корреляции
возраст	0,34
количество иждивенцев	0,21
социальное положение	0,26
положение в РКП(б)	0,26
тип поселения	0,23

Коммунисты из разных социальных групп по-разному относились к возможности продолжить обучение. Больше всего желающих повысить свой образовательный уровень оказалось среди руководителей советских и хозяйственных органов разного уровня. Большую готовность учиться выразили также коммунисты, занимавшие посты в партийной иерархии: члены партийных комитетов, секретари партийных ячеек, агитаторы, пропагандисты, то есть люди с активной жизненной позицией, нацеленные на карьерный рост. Среди рядовых членов партии желающих учиться дальше было 53%, нежелающих – 47%.

Коммунисты-служащие из числа технического персонала также выразили готовность продолжать обучение. Среди коммунистов-рабочих мнения по поводу дополнительного образования разделились поровну. На момент опроса из всех социальных групп нежелание учиться в большей степени выразили коммунисты-крестьяне. Из них 2/3 заявили о том, что они не хотят продолжить свое образование, несмотря на то, что большинство неграмотных членов партии составляли именно сельские коммунисты.

Такую апатию деревенских коммунистов к повышению своего образовательного уровня можно объяснить, с одной стороны, отсутствием у них свободного времени для учебы, что связано со спецификой крестьянского образа жизни – необходимостью каждодневного занятия своим хозяйством, неравномерностью трудового цикла, который характеризовался сравнительно спокойным зимним период и напряженной работой в остальное время года. С другой стороны, оказывал негативное влияние и демографический фактор – на селе в основном преобладали семьи с большим количеством иждивенцев. Данные выборки указывают на тот факт, что нежелание учиться, независимо от места проживания, в большей

степени было распространено среди тех членов партии, кто на момент опроса имел 5 и более иждивенцев в семье. Поэтому для таких коммунистов на первом месте стояла проблема выживания, обеспечения пропитанием своей большой семьи в труднейших экономических условиях того времени, а проблемы образования и культурного роста отходила на задний план. В свою очередь, если член партии не был обременен семейными заботами, то он был более склонен подумать о дальнейшем образовании, и поэтому среди коммунистов, не имевших иждивенцев в семье, выявляется самое большое количество желающих продолжить образование – 70%.

По данным выборки, около 25% коммунистов Екатеринбургской губернии, положительно ответивших на вопрос о желании учиться, не смогли указать конкретную область своих интересов. На поставленный вопрос они ответили, что хотели бы научиться или какому-либо «ремеслу», или «наукам», без указания каким именно.

Среди губернских коммунистов, указавших конкретную сферу своих интересов в плане дальнейшего получения знаний, предпочтения распределились следующим образом. Первая по численности группа (22%) изъявляла желание получить «общее образование», в том числе неграмотные партийцы, которые хотели обучиться грамоте. Поскольку слой крестьянства среди опрошенных коммунистов был достаточно велик, то неудивительно, что на втором месте по популярности стояло получение сельскохозяйственного образования (19% опрошенных). Третье место занимают общественно-политические науки (15%), к изучению которых больше всего стремились руководители низшего звена и специалисты, имевшие потребность получения профессиональных знаний, увеличивавших возможность успешного продвижения по карьерной лестнице. Остальные коммунисты выразили желание обучиться техническим наукам (9%), получить экономическое образование (4%).

К сожалению, в переписной анкете отсутствует вопрос о причинах нежелания учиться, поэтому судить о них мы может только с определенной долей достоверности. Во-первых, в отношении желания или нежелания учиться была выявлена следующая тенденция: чем старше по возрасту были члены партии, тем меньшую склонность к дальнейшему образованию они обнаруживали. Среди самых молодых членов партии губернии в возрасте до 24 лет стремление продолжать обучение преобладает в большей степени

(84% желающих продолжить обучение против 16% нежелающих), среди людей в возрасте от 25 до 34 лет желание продолжать обучение также преобладает (63% желающих и 37% нежелающих). С увеличением возраста членов партии слабеет и их стремление к получению дополнительных знаний: так, если в возрастной группе 35–44 года желающих и нежелающих учиться дальше примерно поровну (51% и 49% соответственно), то среди коммунистов в возрасте старше 45 лет уже доминируют те, кто не желает продолжить свое образование (23% желающих против 77% нежелающих). Возможно, в основе данной тенденции лежало такое характерное для дореволюционной России явление, как забывание грамоты в среднем и старшем возрастах. Например, мужская часть сельского населения заканчивала наращивание грамотности в возрасте 25–30 лет, затем приблизительно до 40 лет она удерживалась на достигнутом уровне, а затем начинался довольно быстрый рецидив неграмотности. У женщин, бывших в основном домохозяйками, процесс забывания грамоты начинался значительно раньше. В городах дело обстояло несколько лучше. В силу большей потребности в грамотных людях, здесь наращивание грамотности продолжалось дольше, чем в деревне, а рецидив неграмотности возникал позже и проявлялся в более слабой форме. Понятно, что членам партии более старшего возраста, потерявшим достигнутую ранее образовательную базу, очень трудно было решиться начинать все сначала.

Во-вторых, можно предположить, что у коммунистов более зрелого возраста большая часть жизни уже была за плечами, они были в целом удовлетворены своим социальным и профессиональным статусом, являлись людьми семейными и для них более значимой являлась задача содержания семьи, поэтому особого смысла в продолжении образования они не видели. В свою очередь для молодых членов партии ценность образования была достаточно очевидной, оно являлось ключом к карьерному росту, важным фактором, наряду с классовым, восходящей социальной мобильности, поэтому мотивация для получения новых знаний у них была высокой.

---

1. Наше исследование опирается на данные, полученные в ходе анализа материалов переписи Екатеринбургской губернской партийной организации – крупнейшей партийной организации Урала.

2. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 58.

3. Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С.71-72.
4. Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. М., 1983. С. 49.
5. Там же. С. 52.
6. Соколов А.К. Курс советской истории. 1917-1940. М., 1999. С. 117.

Гагарин А.А.
(Екатеринбург)

Инженерно-технический персонал Верх-Исетского завода во второй половине 1920-х-1930-е гг.

Инженерно-технические работники (ИТР) — становой хребет любого производства. В их непосредственные обязанности входит осуществление управления, контроля и технического надзора за производством. От осуществления ИТР этих функций зависит само выживание, как отдельных предприятий, так и промышленности в целом. Особенно возрастает роль ИТР в переходные, модернизационные периоды развития промышленности, каковыми для России, несомненно, являются вторая половина 1920-х-1930-е гг.

Целью статьи является рассмотрение изменений произошедших в численности, составе и образе жизни ИТР в исследуемый период на примере одного предприятия.

Верх-Исетский завод один из старейших заводов Урала. В первой половине XX века завод прошел несколько этапов реконструкции. Централизация производства горнозаводского округа в 1910 г. сделала завод крупнейшим центром по производству кровельного железа. Во время Первой мировой войны на заводе было внедрено производство высококачественной динамной стали, которое было прервано революциями и Гражданской войной. Восстановление производства динамной стали произошло лишь в середине 1920-х гг.; тогда же на заводе было разработано производство еще одного вида высококачественного металла – трансформаторной стали. Это событие вывело завод на лидирующие позиции среди советских предприятий. 1930-е гг. прошли в борьбе за увеличение количества и